

С.Ю. Витте

Справка

**о том, как был заключен
внешний заем 1906 года,
спасший финансовое положение
России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 336
ББК 65.05
В54

В54 **Витте С.Ю.**
Справка: о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России / С.Ю. Витте – М.: Книга по Требованию, 2020. – 46 с.

ISBN 978-5-458-55075-8

№ 25

На правах рукописи.
Конфиденциально.

Здесь приводится только малая часть документов из архива по этому вопросу.

ISBN 978-5-458-55075-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Послѣ 18 мѣсяцевъ войны было рѣшено приступить къ переговорамъ о мирѣ. Я былъ назначенъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ уполномоченнымъ для заключенія мира. Когда въ іюлѣ 1905 года я выѣхалъ въ Портсмутъ, то В. Н. Коковцовъ просилъ меня позондировать въ Парижѣ и Америкѣ почву относительно займа. Я видѣлся съ президентомъ Французской Республики Лубэ и премьеръ-министромъ Рувье, извѣстнымъ финансистомъ, съ которыми и завелъ разговоръ о займѣ. Лубэ и Рувье обѣщали оказать, по заключеніи мира, полное содѣйствіе къ осуществленію предполагаемой денежной операціи. Съ этимъ обѣщаніемъ я уѣхалъ въ Америку, гдѣ мнѣ и удалось заключить довольно благопріятный миръ. По возвращеніи въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года изъ Портсмута я вторично видѣлся съ Лубэ и Рувье, съ которыми началъ говорить о займѣ уже въ болѣе конкретной формѣ. Въ это время начались серіозныя разномыслія между Франціей и Германіей по поводу Марокко. Рувье, ссылаясь на это непредвидѣнное политическое осложненіе, несмотря на данное имъ обѣщаніе содѣйствовать, по подписаніи Русско-Японскаго мира, заключенію займа, отвѣтилъ мнѣ категорически: „Вы, имѣя такой большой престижъ, помогите намъ разрѣшить Марокскій вопросъ, а мы тогда устроимъ Вамъ заемъ“.

Обсуждая въ Парижѣ съ Рувье положеніе вещей, мы пришли къ заключенію, что единственный способъ вывести Марокскій вопросъ изъ его острой формы—это созвать международную конференцію и на ея разрѣшеніе передать возникшія между Франціей и Германіей разногласія. Ближайшей, слѣдовательно, задачею было склонить Германію къ участию въ конференціи. По просьбѣ Рувье я переговаривалъ по этому вопросу съ бывшимъ въ то время германскимъ посломъ въ Парижѣ княземъ Радолинъ, съ которымъ, со времени бытности его германскимъ посломъ въ Петербургѣ, я сохранилъ самыя наилучшія отношенія. Изъ разговора съ посломъ я вывелъ, что Германія, принимая во вниманіе, что ослабленная 18-мѣсячной войной и начавшейся внутренней смутой Россія не въ состояніи оказать сколько-нибудь серіозной поддержки Франціи въ случаѣ войны послѣдней съ Германіей, хочетъ налечь на Францію и поэтому отъ участія въ конференціи уклоняется; самъ же князь Радолинъ желалъ бы мирнаго улаженія конфликта.

Несмотря на это вновь возникшее осложненіе, которое отсрочило опять на неопредѣленное время возможность заключенія займа, я все-таки переговорилъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа о проектируемой операціи съ главой такъ называемой „христіанской“ группы

банкировъ Нецлиномъ, главнымъ директоромъ Парижско-Нидерландскаго банка. Мы условились, что какъ только политическій горизонтъ станетъ болѣе яснымъ, онъ пріѣдетъ для ближайшихъ переговоровъ въ Петербургъ.

По дорогѣ изъ Парижа въ Петербургъ я остановился, согласно высочайшему повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и выраженному Германскимъ Императоромъ желанію, въ Роминтенѣ для свиданія съ послѣднимъ. Я удостоился у Императора Вильгельма весьма теплаго пріема. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ общаго характера, мы 1^{1/2} часа посвятили Марокскому вопросу, въ частности моему ходатайству о передачѣ всѣхъ возникшихъ по сему вопросу между Германіей и Франціей разногласій на разрѣшеніе международной конференціи.

Германскій Императоръ, желая удовлетворить это ходатайство, потому что, какъ онъ самъ выразился, я объ этомъ просилъ и въ расчетѣ, навѣрное, что я, съ своей стороны, поддержу одинъ весьма важный для Германіи проектъ договора, текстъ котораго мнѣ въ то время не былъ извѣстенъ, идея же, положенная въ его основаніе, мною вполне одобрялась, далъ при мнѣ телеграмму канцлеру Бюлову о согласіи на международную конференцію. Затѣмъ Императоръ Вильгельмъ мнѣ сказалъ, что если я пожелаю, чтобы онъ оказывалъ мнѣ въ томъ или

другомъ дѣлѣ содѣйствіе, то если я ему напишу, онъ съ своей стороны сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы помочь; при этомъ онъ мнѣ указалъ путь сношенія: черезъ князя Е., самаго близкаго къ нему человѣка, который присутствовалъ при нѣкоторыхъ моихъ разговорахъ съ Его Величествомъ.

Желая извѣстить Рувье о достигнутомъ мною результатѣ какъ можно скорѣе, я далъ ему съ дороги черезъ французскаго посла въ Берлинѣ Bihourd слѣдующую телеграмму отъ 28 сентября 1905 года:

„J'ai eu l'honneur de présenter à l'empereur d'Allemagne mes explications sur les questions marocaines et Sa Majesté a eu la bonté de me dire qu'Elle n'a pas l'intention de faire des difficultés au gouvernement français et qu'Elle donnera à ce sujet ses ordres impériaux“ (телеграмма находится въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ).

Послѣдствіемъ изложеннаго было образованіе Алжесираской международной конференціи.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ, 17 октября 1905 года, послѣдовало мое назначеніе Премьеръ-Министромъ и мнѣ было поручено сформированіе Министерства. В. Н. Коковцовъ покинулъ постъ Министра Финансовъ; на его мѣсто былъ Высочайше назначенъ, по моему

представленію, И. П. Шиповъ. При назначеніи послѣдняго я принялъ на себя продолженіе веденія переговоровъ о займѣ.

Положеніе дѣла о займѣ было въ концѣ 1905 года слѣдующимъ: банкиры единогласно и самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили полную невозможность совершить немедленно предполагавшуюся кредитную операцію, безразлично, въ формѣ ли долгосрочнаго консолидированнаго займа или займа на срокъ. Причины тому были двѣ: недовѣріе къ нашему внутреннему положенію, не взирая на начинавшееся послѣ 17 октября успокоеніе, и другая, главнѣйшая—опасеніе столкновенія съ Германіей изъ-за Марокко. Въ финансовыхъ и административныхъ кругахъ Франціи опасенія были большія, увѣряли, что Германія дѣлаетъ приготовленія на границѣ, и Франція также готовилась на всякій случай, расходуя на то секретно большія суммы, которыя впослѣдствіи были приняты парламентомъ. Настроеніе публики было весьма безпокойнымъ. Замѣчалась трусливость банкировъ и отсутствіе между банкирами различныхъ странъ единства стремленій. Я все время продолжалъ сношенія съ Рувье, который обѣщалъ войти въ сношеніе съ биржами и сдѣлать все, чтобы внушить имъ недостающую имъ энергію. Но по его убѣжденію значительный заемъ представлялся бы вполне возможнымъ лишь только

послѣ успокоенія Россіи и разрѣшенія Марокскаго вопроса.

Что касается послѣдняго, то съ Высочайшаго соизволенія я просилъ передать Рувье, что Императорское Правительство окажетъ моральную поддержку въ смыслѣ вліянія на Германское правительство и что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ Ламздорфъ далъ нашимъ уполномоченнымъ въ Алжесирасѣ инструкціи, соотвѣтствующія интересамъ Франціи, о чемъ былъ извѣщенъ французскій посолъ Камбонъ въ Мадридѣ.

Я лично былъ убѣжденъ, что Марокскій вопросъ уладится и Германскій Императоръ никогда не рѣшится на войну; относительно внутренняго положенія я надѣялся, что дѣло постепенно, по крайней мѣрѣ въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ, будетъ успокаиваться.

Прошелъ и январь мѣсяць 1906 года, а въ Алжесирасѣ все еще не могли прійти къ соглашенію. Нашъ уполномоченный графъ Кассини телеграфировалъ изъ Алжесираса 29 января (11 февраля) слѣдующее:

„Tattenbach (уполномоченный Германіи) met à chaque pas des bâtons dans les roues, soupçonnant d'une façon blessante des arrière-pensées dans chaque proposition du gouvernement français et allant jusqu'à nier la validité du contrat conclu en 1904 entre le Sultan et de certains groupes finan-

ciers français leur confiant la surveillance des douanes. De part et d'autre l'amour-propre est engagé. La France insiste sur ses droits acquis. L'Allemagne les conteste au nom du principe de la porte ouverte qu'elle étend arbitrairement aux questions de la police et des douanes s'arrogeant ainsi les droits tutélaires sur le Sultan. L'opinion s'accrédite ici de plus en plus que l'Allemagne cherche un prétexte à faire échouer la conférence d'Algésiras. La situation est tendue“.

Россія усиленно поддерживала Францію, что и возбудило противъ нея Германію. Германскому правительству было хорошо извѣстно, что съ благополучнымъ окончаніемъ Алжесираской конференціи тѣсно связанъ вопросъ о чрезвычайно важныхъ для Россіи денежныхъ операціяхъ, и оно начало препятствовать заключенію займа. Графъ Ламздорфъ по моей просьбѣ телеграфировалъ 27 января (9 февраля) 1906 г. нашему послу въ Берлинъ графу Остенъ-Сакену: „Сказанное Вамъ княземъ Бюловымъ производитъ странное впечатлѣніе, будто вниманіе его главнымъ образомъ обращено было на нашъ заемъ и внутреннія дѣла Россіи. Оба вопроса, конечно, стоятъ въ связи съ тѣмъ или инымъ исходомъ Алжесираской конференціи, при чемъ, казалось бы, революціонное движеніе въ Россіи не менѣе затрагиваетъ и интересы самой Германіи, какъ монархической державы.

Непримиримость именно Германіи, а вовсе не Франціи, лишній разъ обнаружилась въ доводахъ, представленныхъ Вамъ Канцлеромъ, который упускаетъ изъ виду всѣ уступки, сдѣланныя Парижскимъ кабинетомъ. Если такимъ образомъ послѣдуетъ разрывъ конференціи, то въ средѣ всѣхъ державъ несомнѣнно утвердится убѣжденіе, что неуспѣхъ соглашенія въ Алжесирасѣ является исключительно слѣдствіемъ агрессивныхъ замысловъ Германіи“.

Я лично видѣлся съ германскимъ посломъ при Русскомъ Дворѣ г. фонъ-Шенъ и его старался убѣдить въ необходимости уступчивости со стороны Германіи. Г. фонъ-Шенъ телеграфировалъ 7 (20 февраля) 1906 года князю Бюлову: „Графъ Витте при сегодняшней встрѣчѣ началъ со мной разговоръ о Марокскомъ вопросѣ и привелъ тѣ же аргументы, что и графъ Ламздорфъ; онъ подчеркнулъ только откровеннѣе и съ большимъ удареніемъ весьма затруднительное положеніе Россіи при продолженіи напряженія, а также вытекающую отсюда сдержанность банкировъ. Принимая во вниманіе великіе планы и миролюбивыя намѣренія, о которыхъ Его Императорское Величество изволилъ говорить ему въ Роминтенѣ, онъ выразилъ свое удивленіе по поводу того, что мы въ Марокскомъ вопросѣ столь мало придаемъ значенія французскимъ уступкамъ, выразившимся въ по-

жертвованіи Д., и что мы признаемъ неудовлетворительными также предупредительныя предложенія Франціи по вопросу о полиціи. Наша политика зарождаетъ мысль, что желаемъ войны съ Франціей“.

Германія тѣмъ болѣе была возбуждена, что всѣ дѣла на конференціи рѣшались большинствомъ голосовъ, а Россія, Англія, Испанія и отчасти Австрія и Италія большею частью поддерживали домогательства Франціи. Кромѣ того и вышеупомянутый проектъ договора, на который Германія возлагала столь большія надежды, былъ разрушенъ не безъ моего въ томъ содѣйствія.

Такъ какъ по моему убѣжденію необходимо было прибѣгнуть хотя бы къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы добыть деньги до созыва Государственной Думы, я рѣшился въ виду важности обстоятельствъ написать Германскому Императору, по указанному мнѣ имъ въ Роминтенѣ пути, т. е. черезъ князя Е., на что послѣдовало высочайшее соизволеніе. Я обратился къ нему съ просьбою, чтобы онъ помогъ окончить дѣло займа. Я доказывалъ, что если Правительство съ самаго же открытія Думы обратится къ ней за деньгами, оно поставитъ себя въ крайне неловкое положеніе, принимая тѣмъ болѣе во вниманіе, что оно будетъ имѣть дѣло съ мало дисциплинированной и политически не воспитанной толпой; что для заклю-

ченія займа необходимо благополучное окончаніе Алжесираской конференціи, таково мнѣніе французскихъ капиталистовъ и Рувье. Я высказалъ свое убѣжденіе, что будущность Европы покоится на континентальномъ союзѣ, если мы продолжимъ другъ къ другу придираться, мы тѣмъ только уменьшимъ моральныя и матеріальныя силы Европы, и наша слабость будетъ всегда использована морскими державами, что если эти мои взгляды правильны, то, для того, чтобы достичь результата, необходимо прежде всего установить добрыя отношенія между Германіей и Франціей. Затѣмъ я высказалъ, что увѣренъ, что революціонеры избрали Россію для испробыванія своихъ силъ, и если они не потерпятъ пораженія, то революція перейдетъ за наши границы; тому примѣръ французская революція. Поэтому желательно, чтобы воцарилась у насъ тишина. Для этого необходимо ликвидировать войну, для чего нуженъ заемъ до созыва Думы, т. е. черезъ нѣсколько недѣль самое позднее.

Германскій Императоръ извоилъ отвѣтить уклончиво.

2 февраля пріѣхалъ въ Россію Нецлинъ подъ псевдонимомъ и остановился не въ С.-Петербурѣ, а въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему по моему ходатайству передъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ было отведено